

УДК

Рябченко П.С.

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В статье рассмотрены различные аспекты обоснования права на самоопределение. Автор анализирует феномен права на самоопределение с позиций различных подходов к его интерпретации в контексте создания наиболее благоприятной государственной политики в сфере межнациональных отношений.

In article various aspects of a substantiation of the right to self-determination are considered. The author analyzes a phenomenon of the right to self-determination from positions of various approaches to its interpretation in a context of creation of an optimum state policy in sphere of international relations.

Ключевые слова: право на самоопределение; гражданин; законодательство; конституционное право, национальная идентичность; народ; нация; права и свободы, самоопределение; этничность; этнос.

Keywords: the right to self-determination; the citizen; the legislation; a constitutional law, national identity; the people; the nation; the rights and freedom, self-determination; ethnos.

Одним из приоритетных направлений, требующих своевременного вмешательства и оперативного реагирования современного российского государства, является обеспечение права на национально-культурное развитие и поддержание межнационального и межэтнического равновесия. Приходится констатировать, что современная ситуация в России в данной области очень далека от «идеальной». Средства массовой информации не устают сообщать об очередных всплесках межнациональной конфликтности в нашей стране.

При этом события последних лет наглядно демонстрируют примеры того, как когда-то ранее идеализировавшаяся политика «плавильного котла» потеряла сколько-нибудь серьезные аргументы в свою пользу и как минимум нуждается в серьезном переосмыслении. На сегодняшний день такие традиционные когда-то механизмы установления межнационального мира и реализации идеи гражданской нации, как интеграция и ассимиляция, перестали давать сколько-нибудь значимые результаты не только в таких классических анклавах, как США, но и в таких традиционно благополучных государствах, как скандинавские страны, в которых в последние годы отмечаются все большими всплесками конфронтации населения на межнациональной почве.

В этой связи исследование конституционного регулирования межнационального и межэтнического взаимодействия в России необходимо начинать непосредственно с конституционного текста. Как отмечают многие исследователи, комментируя ст. 3 Конституции РФ, собственно, «русский народ», который является носителем генетического кода и иных цивилизационных потенциалов, лишается каких бы то ни было суверенных прав, что противоречит российской цивилизационной специфике. По мнению данной группы исследователей, стоило взять на вооружение опыт не менее развитых современных государств, в которых конституционный текст в обязательном порядке подчеркивает суверенные права государствообразующей нации (народа). Однако в таких условиях необходимо не просто подчеркивать права иных национальностей, но и непосредственно уделять повышенное внимание их защите во всех случаях, за исключением вопросов, касающихся государственного суверенитета. Вопрос о государственном суверенитете в традиционных государственных устройствах всегда решается в пользу государствообразующей нации [1, с. 94]. Здесь, правда, нельзя забывать, что анализируя международный аспект проблемы, трудно заметить как порой противоречива, неоднозначна и непоследовательна политика международ-

ных организаций и государств, в них входящих, в случаях, когда речь идет о «третьих» государствах. Таким образом, вопрос о праве наций на самоопределение в контексте проблемы государственного суверенитета всегда решает политически ангажированная политика «двойных стандартов», и с этой международно-правовой практикой, к сожалению, приходится считаться.

Обращаясь к конституционному тексту, отметим, что именно ст. 3 Конституции РФ, раскрывая сущность отечественного федерализма, упоминает о том, что федеративное устройство Российской Федерации основано в том числе и на самоопределении народов Российской Федерации. Отдельные исследователи при анализе данной статьи достаточно резко в своих формулировках, в частности, указывая на то, что «равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации есть глупость», по причине того, что, с одной стороны, неравноправие субъектов конституционно закреплено, с другой – вопрос о самоопределении выглядит нелепо в отношении народов, уже отказавшихся от своей самостоятельности [2, с. 27 – 28]. Возможно, внимательный анализ данной конституционной нормы с позиций филологии и формальной логики и позволяет говорить, о том, что из конституционной формулировки право на сецессию для субъектов Российской Федерации все-таки вытекает.

Однако мы далеки от мысли утверждать, что такое право у субъектов Российской Федерации действительно существует. В современной конституционной науке субъекты Российской Федерации такого права естественно лишаются. Существуют целые пласты исследований, призванные исправить некорректные конституционные формулировки и доказать то, что конституционная формула «федеративное устройство Российской Федерации основано на... самоопределении народов» означает совсем не то, что она на самом деле означает. В частности, указывается и на «государственную целостность» Российской Федерации, упомянутую в тексте той же статьи. Отдельного внимания в этой связи заслуживает и дискуссия по поводу смыслового наполнения понятия «народ». Действительно, проводя грань между такими понятиями, как «народ», «нация» (гражданская или политическая) и уж тем более «субъект Российской Федерации», можно было бы говорить об исключительно этнической составляющей тезиса о «самоопределении

народов», которые, возможно даже в рамках различных гражданских («подгражданских») наций, объединяются в одну общегражданскую («надгражданскую») нацию.

Здесь надо отметить, что научная дискуссия на тему вопросов, так или иначе относящихся к «национальному дискурсу» ведется в нашем государстве сравнительно недавно, в отличие от аналогичной дискуссии, которая продолжалась в «развитых, демократических» государствах на протяжении всего прошлого века. Однако российские ученые, в том числе юристы, достаточно легко переняли у своих западных и европейских коллег основные способы и приемы ведения «национального» (этнического, гражданского) диспута [3, с. 23 – 29]. В итоге все основные моменты и ключевые точки западноевропейского понимания национальной проблематики достаточно органично перешли в российские научные реалии. На сегодняшний день можно констатировать факт существования окончательно сложившихся научных «школ», представляющих два основных подхода к пониманию национальных проблем. С одной стороны, это продолжатели исторически сложившихся подходов в рамках примордиалистских направлений, с другой – представители субъективизма, постсубъективизма, конструктивизма и всех тех, чьи оценки национально-этнической проблемы тяготеют к констатации искусственности, надуманности и стереотипности существующих сегодня институтов национально-этнической самоидентификации. С сожалением приходится констатировать, что в конечном итоге собственно научная дискуссия практически сошла на нет, уступив место политическим «баталиям», так, по сути, и не дождавшись, когда в эту дискуссию по настоящему включатся представители конституционной науки и науки теории государства и права. Нельзя сказать, чтобы по этой проблеме совсем отсутствовали непосредственно юридические исследования, но они, как правило, были производными от вопросов узкоюридического характера [4, с. 3]. Это, например, упоминаемое нами ранее, право на самоопределение [5]. При этом хотелось бы большего количества комплексных исследований, призванных помочь как выработке конкретных правовых и юридических способов противодействия угрозе межнационального «непонимания», так и осуществлению правовой систематизации категориального аппарата.

Однако если таковые исследования в юридической науке и присутствовали, то они не получили абсолютно никакого продолжения непосредственно в нормативных актах. В итоге на сегодняшний день термин «нация» в современном российском законодательстве употребляется как минимум в трех различных значениях.

Определенное оживление дискуссии наступило в последние годы, однако связано оно было уже с серьезным ухудшением ситуации в рамках межконфессионального спокойствия и достойного и плодотворного религиозного сотрудничества. Надо сказать, что дискуссия, собственно религиозная, в российском обществе присутствовала всегда, и на сегодняшний день она практически неразрывно связана с дискуссией в рамках национальной проблематики. Тем не менее и здесь приходится констатировать, что если таковая дискуссия и ведется на уровне юридических исследований, то ее содержание остается очень ограниченным. В большинстве случаев речь идет о том, допускает или не допускает конституционный текст, определяющий российское государство как «светское», наличие в стране особо «опекаемых» и «любимых» религий. В этой дискуссии преобладают три точки зрения. В соответствии с первой Россия секуляризованное государство, должно таким оставаться и Конституция должна служить тому гарантом. Вторая группа утверждает, что термин «светское» государство вовсе не отрицает наличия «приоритетных» конфессий для государственно-религиозного сотрудничества [6, с. 16]. Третьи недовольны столь расширительным толкованием термина «светскость», однако требуют закрепить ведущую роль и ведущее положение, в частности, православной церкви на государственном уровне, т.е. внести прямые изменения в текст Конституции Российской Федерации.

Подобные рассуждения, на наш взгляд, не имели бы большого практического смысла, если бы большинство авторов сразу признало несовершенство конституционного текста и большое количество неточных, некорректных и откровенно «сомнительных» формулировок современной Российской Конституции. Аналогичную ситуацию можно, например, наблюдать в ст. 15 Конституции, говорящей о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Признав презумпцию несо-

вершенства конституционного текста, в частности, в рамках национальной проблематики можно было бы уже сосредоточиться на выработке конкретных юридических предложений по его совершенствованию, а не вторгаться в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, занимаясь «неофициальным» толкованием.

Еще раз возвращаясь к вопросу о праве народов Российской Федерации на самоопределение и вытекающем из него вопросе о праве субъектов Российской Федерации на сепарацию, можно было бы считать утверждение о «некорректности» формулировок исчерпывающим, однако вызывает удивление тот факт, что на законодательном уровне не существует конкретных запретительных норм по этой проблеме, т.е., формально ситуация субъектов Российской Федерации на выход из ее состава ни одной нормой закона не запрещена. Тем не менее конституционная формулировка существует и предполагает официальное и полуофициальное толкование или пояснение. Но такая официальная трактовка конституционной формулы, на наш взгляд, несколько противоречит самой идее субъективного права, когда «разрешено все то, что не запрещено».

В большей степени по этой причине право народов на самоопределение в современной российской науке связывается с конституционным институтом национальной автономии, который, к сожалению, за долгие годы своего существования не заслужил сколько-нибудь положительных отзывов, как от представителей политических структур, так и от ученых [5, с. 244]. В таких условиях изучение социальной сущности и особенностей юридической природы права на национально-культурное развитие с точки зрения науки конституционного права заслуживает самого пристального внимания. В конечном итоге Россия достаточно «молодое» государство и, учитывая тот факт, что способы и методы, регулировавшие межнациональные проблемы в СССР сейчас практически невозможно использовать, следует сосредоточить внимание представителей юридической науки на выработке соответствующей обстановке специальной узконаправленной политики в области национальных отношений. Современные документы в этой области, на наш взгляд, не обладают качествами, необходимыми для решения всего блока проблем.

Литература

1. Научный макет новой Конституции России / Под общ. ред. С.С. Сулакишина. М., 2011.
2. Миронов А. Конституция Российской Федерации 1993 года: смысло-логический анализ. СПб., 2005.
3. Овчинников А.И. Этнокультурная экспертиза в правотворческой политике // Философия права. 2011. № 1.
4. Баранов П.П., Овчинников А.И. Правовая этнология – современное самостоятельное направление в отечественной юридической науке // Философия права. 2002. № 2.
5. См. напр.: Овчинников А.И., Кравченко А.Г., Мамычев А.Ю., Тащиян А.А. Этнократические аспекты реализации права наций на самоопределение в современной России. Ростов-на-Дону, 2008.
6. Овчинников А.И. Базовые ценности и конституционное развитие России // Философия права. 2011. № 5.

УДК 347.9

Тимошенко И. В.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЗАПРЕТ НА ПОСЕЩЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Содержательно статья представляет собой анализ юридической природы и специфики административного запрета на посещение официальных спортивных соревнований как элемента российской системы административных наказаний. Предлагается вариант совершенствования законодательства с целью устранения формально-логической невыдержанности его терминологии.

The article is firstly a survey of the legal nature and specifics of administrative prohibition of visiting the official sports competitions as a part of the system of administrative penalties. The way of legislation improvement in order to eliminate the formal logic unevenness of the terminology is being proposed.

Ключевые слова: административное наказание, административный запрет, система наказаний, административная ответственность.

Key words: an administrative penalty, administrative prohibition, the penal system, administrative responsibility.

С 20 января 2014 года, буквально накануне XXII Олимпийский зимних игр и Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, в России стал применяться новый вид административного наказания – административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, установленный Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 192-ФЗ [1], согласно которому в КоАП РФ был добавлен ряд статей, закрепляющих общие правила назначения (ст. 3.14 КоАП РФ) и исполнения данного вида административного наказания (ст. 32.14 КоАП РФ), а также виды административных правонарушений, влекущих за собой административный запрет на

посещение официальных спортивных соревнований в качестве административного наказания. Таким образом, система применяемых в Российской Федерации административных наказаний стала выглядеть следующим образом:

- 1) предупреждение;
- 2) административный штраф;
- 3) конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;
- 4) лишение специального права, предоставленного физическому лицу;
- 5) административный арест;